

Екатерина Полухина
С любовью шутить опасно

Екатерина Полухина

С любовью шутить опасно

«Издательские решения»

Полухина Е.

С любовью шутить опасно / Е. Полухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966950-6

Не влюбляйтесь до безумия, иначе быть беде. Моя героиня влюбилась именно так. До безумия. А это не так легко исправить. Хотя она очень сильная личность и попыталась исправить свои ошибки. Что из этого получилось, вы узнаете, прочитав мою работу.

ISBN 978-5-44-966950-6

© Полухина Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	15
Глава 9	16
Глава 10	18
Глава 11	19
Глава 12	20
Глава 13	21
Глава 14	22
Глава 15	24
Глава 16	26
Глава 17	28
Глава 18	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

С любовью шутить опасно

Екатерина Полухина

© Екатерина Полухина, 2019

ISBN 978-5-4496-6950-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ах, если бы узнать свою судьбу,
Спросить бы всё у знающей гадалки,
Пытаюсь разглядеть свою ладонь,
Но, есть на всё запрет, предел и рамки.

Глава 1

Элечка родилась не от отца, а от заезжего молодца. В восьмидесятые годы было модно посылать в командировку специалистов из всяких НИИ (научно исследовательский институт) и КБ (конструкторское бюро). Да и, просто студентов, преподавателей и даже, самих профессоров, из обычных институтов, на прорыв в матушку деревню. Сено косить, да копнить, свёклу с подсолнухом полоть. А, там картошку, да морковку копать, подбирать потери сладких корней свёклы. В, общем, в деревне работы было, хоть отбавляй (не, то, что теперь). И, причём круглый год. Там, хоть не разгибайся от этой работы. А, чтобы в НИИ, да институтах, люди, между открытиями да сессиями не протирали зря штаны, руководство и старалось на пользу дела, бросать их на помощь сельскому хозяйству. Выигрывали все и, всем была польза.

Помощники были накормлены, напоены. Да, не тем, чем они питаются в своих городских столовых. В деревенских столовых всё с пылу, с жару. Всё свеженькое, без заморозки, усушки, утряски. Молоко парное, яблоки, да груши с ветки. Рыба из пруда, грибы из лесу. В общем, откорм по – полной. С жильём проблем, тоже ни каких. Для таких случаев, в колхозе имелась сельская гостиница. Ну, а если кого она не устраивала, хватало молодок, которые с удовольствием принимали квартирантов к себе.

Зарплата основная у помощников, на основной работе, капала; голова отдыхала от сложных мыслей и готовилась к новым свершениям и открытиям. Студенты получали заряд бодрости и представление, откуда берутся булки, молоко, мясо. А, то, ведь многие, конечно же, городские жители, часто думали, что булки растут на деревьях. И, их можно сорвать, словно грушу, или яблоко.

Колхоз получал, какую – ни какую подмогу в рабочей силе. Ну, а бабы деревенские, да девки, потом рожали симпатичных, умненьких мальчишек и девчонок. Свои – то мужики ведь совсем от самогона угорали и, как производители были, ну ни к чёрту. А, тут, благородная кровь встречалась со здоровой мужицкой, у которой щёки от мороза, что твоя столовая свёкла; косы до пят, бёдра только в деревенскую дверь, груди по два бидона. Может, оно умочком и слабоваты, а уж здоровьем бог не обделил деревенских баб.

Ну, какая же ещё женщина, как не русская деревенская, сможет поднять такое: и детей растить, и огород вскопать да посадить. Да, ещё же и убрать его, придёт пора, нужно. А, сена накосить, да скотину управить. Это тебе не хухры – мухры. Тут нужно здоровье отменное, а без здоровья враз загнёшься. Вот и Настёна Зотова, местная жительница села Добродеево, приняла на постой к себе худосочненького, рыжеволосого очкарика.

Был он худ, длиннорукий и длинноногий. Нескладный какой – то, а вот за очками его читалось столько ума, энергии, обаяния и, ещё чего – то такого, от чего у Насти заходило в груди сердце. А, уж, когда после работы, накупанный, накормленный ею, он ложился с ней в постель, тут она просто сходила с ума. Таких слов о любви, таких поцелуев, таких объятий она не то, что не получала за свою жизнь, она и не знала даже, что есть такое на земле. Месяц, этого неземного счастья пролетел, как один миг и, вот расставание.

Она не плакала, не грустила даже. Жила надеждой, что после этого месяца неземного счастья, останется в ней новая жизнь. Смысл, для чего жить, подаренный ей этим нескладным, но таким волшебным человеком. Сама она тоже красавицей не была, разве что, румянец во всю

щеку, белотелая да сдобная. Глаза с раскосиной, бёдра широкие, чтобы детей рожать без проблем, грудь колесом, руки лопатами. В общем, настоящая, русская баба. Та, что и коня на скаку, и в горящую избу. Мужа у неё не было, хотя и уж, далеко за тридцать ей было, на тот момент.

А, что ими делать этими алкашами подзаборными? Ей хотелось, если уж не принца, то хотя бы правильного, работающего мужика, как её покойный батяня. Чтобы, хоть и лупил иногда, как это принято на деревне, но и был опорой и защитником. Вот, если такого бы, как Антоша, что укатил в свою далёкую Москву, но, вряд ли они еще, когданибудь с ним свидятся, в этой жизни. Если только, вот так ещё, какнибудь. Ненароком. Но, это бабка надвое сказала. У неё своя жизнь, у него своя семья. Жена и сынок шести с половиной лет, да работа, нечета деревне. Он был настоящим профессором, какого – то там института.

Ей хватало, этих: Антонов, Валериев, Геннадиев. Один, даже Аристарх был. Но, все они уезжали, а она оставалась одна, как перст. Её лоно не принимало их, как потенциальных отцов. Просто утеха похоти и плоти, и больше ничего. А ей, ой, как надоело быть одной, хотелось стать матерью. После того, как погибли её маманя с батей (лошадь понесла). А дело было в поле. Они собирали початки кукурузы, так ходок с этими початками на них перевернулся, да и задавило их обоих.

Боль утраты почти прошла, но тошно было жить одной. Хотя, очень скучать без внимания не приходилось, зимой, если только.

Но, своё хозяйство не давало расхолаживаться, да и в колхозе хватало дел. Если, не дояркой, то ухаживать за птицей. А, не хочешь, так иди рассаду в огородничество выращивать. В общем, в деревне работа вся такая, что к вечеру умаешься так, и не до любви уж. Там главное, чтобы здоровье не подвело, а думать за тебя есть кому. На то начальства полно. Ты только больше бери, да дальше кидай, а, уж, куда кинуть тебе подскажут. Тут пятеро советчиков наготове, рядом стоят, ошибиться не дадут.

Глава 2

Дом ей от родителей достался добротный, отец был мастер на все руки. Сам руководил постройкой просторного пятистенка, без всяких там архитекторов и прорабов. Большие окна, с весёлыми, узорчатыми наличниками, русская печка на пол – кухни, пышущая жаром и поднимавшая хлеба и пироги, как ни у кого больше в их деревне. Почти сказочное, резное крыльцо с козырьком. Над коньком вычурный петушок, крутящийся в разные стороны. Куда дул ветер, в данный момент, туда петушок и клювик свой направлял. Расписной хвост, да уборы на груди. Бородка с гребешком кровенели и сверкали на солнышке лаком. Только петать не умел он, а, так вылитый был, живой петух, что важно расхаживал у них во дворе.

Чистоту Настя любила с самого детства, переняв у своей покойной мамани, тихой и не умевшей никому и ни в чём перечить, женщины. Дом её сверкал просто чистотой и опрятностью. Средств к существованию, хватало. Здоровьем она была не обделена природой. И, всё бы было ничего, только вот не хватало ей счастья. Счастья материнства. Это бы компенсировало её за всё, что в жизни у неё не случилось. Хотя и, жизни – то той было тридцать с небольшим. Но, всё же. Хотелось ей не спать ночами и, не от любовных утех с очередным мужиком, а от заботы о малюсеньком комочке живой плоти, что появляется от этих утех. Хотелось баюкать этот комочек, пеленать, кормить тугой, налитой тяжестью от обилия молока грудью. Вот по этому – то и принимала она на постой, этих командировочных, пусть и во вред себе. Ведь она отлично знала, какая слава за ней идёт. Распутная девка. Никакой любви к ним, у неё и в помине не было. Если, только симпатия мимолётная, не более.

И, вот, это счастье постучалось в её дверь, она поняла, что беременна. Беременностью это было – то, ещё рано назвать, несколько недель, но, она точно знала, что сделает всё и выносит свою кровиночку здоровенькой. Накупив пластинок с всякими там ВИА и, слушая зажигательные песни о красивой чужой любви, она вязала вечерами малюсенькие, красивые вещички, больше похожие на вылупившихся цыплят. Они были пушистые, яркие, мяконикие, словно пуховки.

Все постояльцы, были отвергнуты ею напрочь, через посредство заявления председателю колхоза «Светлый путь.» А, тех, кто был по наглее и, по самонадеяннее, ждала вывеска огромными буквами, на стене её дома,: «Жильцы не принимаются».

Сначала, никто из односельчан не мог понять, что это Настька фордыбачит. Ведь всегда за этим товаром, она была в первых рядах. А, тут, вдруг монашкой заделалась, что ли. Наверное, втихаря замаливает грехи свои, непутёвая. Но, вскоре причина стала ясна всем, Настя ждала ребёнка.

Ребёночка этого, ждали всем селом, уж больно хотелось увидеть сельчанам, на кого похож этот ребятёнок. Белявый, аль чернявый, а может сразу в очках родится, как последний постоялец её. Вот, ведь деревня – матушка, интересно, а, кому какое дело то до этого? Это забота и головная боль, только самой Настасьи, но, раз уж так в деревне повелось, то, что поделаешь. В общем, всё Добродеево ждало появления смысла жизни для Насти, как своего дитя.

Глава 3

Так, ни шатко, ни валко промелькнул срок беременности. Да, ей эта беременность была настолько важна и нужна, что она не замечала даже каких либо неудобств, в виде токсикоза, ломоты в пояснице, тяжести в низу живота. Да, ведь лечь, как тебе хочется, не всегда получается. Ну и, всяких других проблем хватает. Настя же, этой, своей беременностью чувствовала себя так, будто выиграла миллион в лотерею. И, уже давно и точно знает, куда потратить с пользой эти деньжищи.

Последнее время, только, что – то ноги стали отекают у Насти и, пожилая и добродушная местная фельдшерица Абрамовна, предложила ей лечь в стационар. Полежи, полежи девка, оно же и лучше будет, как для тебя с дитём, так и для меня. Чего уж скрывать. Мне, ведь тоже проблемы лишние не нужны. Тебе, то не семнадцать, а роды первые. Старородящая ты, голубушка и об этом нельзя забывать.

Случись что, а больница – то не рядом. До неё пятьдесят километров, да по разбитым дорогам. Нет, голубушка, я не могу рисковать жизнями двоих людей. Поезжай без разговора. Самое главное, что это нужно для твоего малыша. Ведь я, как никто больше знаю, как уж ждёшь ты своего первенца. Не первый год замужем, вижу, кто настоящая клохча, а, кто кукушка из вас получится. Ты будешь наседкой самой, что ни на есть. Отдохнёшь, за одно и поддержишь организм, оно и рожать будет, куда, как легче. Ну, а за хозяйством твоим товарки приглядят, ни куда не денутся.

Когда родила Настя, точно никто не знал. Телефон на селе, в ту пору считался роскошью. Узнали, уже, когда привёз её с дитём сам председатель колхоза, Андрей Валерьянович. Был он в районе по делам. Глядит, стоит Настя на автобусной остановке с розовым конвертом на руках, ну, он и примчал их на своей «Волге» прямо к крыльцу, их дома.

Глава 4

То – то было шуму, да гаму. Даже те, кто недолюбливал Настю, за её весёлую и, по-городскому чистую жизнь, пришли провести её, как роженицу. Ну, а как же иначе. Ведь, надо же помыть – то её косточки у колодца ли, или же на обеденном перерыве на работе. А, для этого, нужно видеть всё своими глазами, а там уж, что получится, присовокупить, да и раздуть кадило на всю катушку.

Ты, глянь, одна, без мужа и родила, дурища. Ни на что не глядя, да, ещё и глаза переливаются влагой. Ух и дурища же! Одним словом, беспутная. Так, теперь и останется одна вековухой. Ну, кто же её возьмёт – то теперь? Тут, вон без дитя и, то никто не кидается, а, теперь совсем хана, перетянули новость сельские кумушки.

А, дурища эта, летала по своему дому, будто на крыльях. Ей хотелось обнять и небо, и землю. И, всех своих односельчан, хоть и знала она с какой целью пришли они к ней в этот необыкновенный, для неё день. Это, не дань уважения, это знак осуждения. Да, ей было едино. Пускай осуждают. Она была так счастлива, что прощала всех и вся.

Родила она девочку и назвала её – Элей. Так давно задумала. В одной книге, которые очень любила, прочитала она и, ей так понравилось имя главной героини. Там, Элеонора Станиславовна, а у неё, Элеонора Антоновна. Чудо, как хорошо!

А, вот и узнала она, что такое быть матерью. Ночные бдения, песни у колыбели. Пелёнки, распашонки, которые пахли чем – то не земным. Она задышалась этим запахом, и все трудности отодвигались далеко. Кормила дочку грудью, с затаённой радостью наблюдая, как та цепко хватает её молочко – белую, полную грудь и, как молоко начинает прибывать и грудь тяжелеет. И, появляется приятная боль, от прибывания в протоках молока. Боль эта, сначала охватывала все грудные ткани, даже ломило ключицы. Грудь ощутимо наполнялась, тяжелела, а потом, когда дочка начинала сосать, держась крепко за молочную железу, несравнимое ни с чем больше, чувство благодати захватывало её всю. И, она просто млела от этого процесса. Она задышалась, от переполнявшего её, чувства счастья. Любовалась малюсеньким личиком, пальчиками, кудряшками, золотисто рыжими, как у Антоши и густыми, как у неё самой. Её до слёз умилял беззубый ротик её крохи, когда она дула пузыри. А, улыбка Эли, просто приводила её в неопишуемый восторг.

Глава 5

Эля для неё была теперь, всем: маманя, батя, муж, любовник. Всё. Абсолютно всё. Она стала жить, только ради неё и не иначе. Никто не смел, глянуть на Элю косо, не мог сказать грубо. Если, можно было бы, запретила ветру дуть, тучке надвинуться, дождику брызнуть, Настя на свою девочку.

Старшей сестре своей, жившей в Москве, писала чуть ли не каждый день, как растёт её ангелочек, её веточка, её травиночка, её огонёчек. Та, не имея своих детей, а живя не бедно, заваливала, единственную племянницу подарками, присылая их в посылках.

Звала Настю, как всегда к себе жить, ведь свой частный дом, пусть и на окраине Москвы. Но, Москвы же, а не какойнибудь Тмутаракани. Муж её, добрейший человек, был во всём согласен со своей женой. Но, Настя и слышать не хотела ни о чём, как и тогда, при родителях, будучи ещё девчонкой, так и теперь, живя одна с ребёнком.

А, теперь, так и вовсе. Чтобы моя рыбонька дышала вашим смрадом, да бензином? Да ни в жисть. Она будет наслаждаться свободой, пить чистоту полей и лугов. Будет питаться ягодами, да молоком парным, от своей бурёнки. Хлебом из русской печки, фруктами из своего сада, да овощами со своего огорода.

Что они понимают, эти москвичи, в своей загазованной столице? Они уже забыли, как пахнет настоящий хлеб, какой вкус у мяса и молока парного. А, лес, луг, речка. Да, они уже не помнят всех прелестей деревенской жизни. Ведь, её сестра Галина приезжала на малую родину раза три от силы, да и всего на недельку, не больше. А, на похоронах родителей пробыла всего три дня, как во сне, да и укатила в свою столицу.

Работала она начальником, или самым директором на фабрике, Настя толком не знала. Что, она большой начальник, это точно. Это давно известно, когда ещё живы были их родители, Настя ездила в гости с ними к сестре. И, даже была на этой самой фабрике. И воочию видела, что сестру уважают. Конечно, работала та на износ. Света белого не видела от своих планов, да их достижений. Свояк был, каким – то научным сотрудником. Тоже эксперименты, да научные открытия. Детей у них своих не было, а на отдых ни разу почти и не ездили, как люди. Лет десять последних дубасили без отпуска. Ну, что это за жизнь? А, туда же, приезжай к нам жить. Да, провались оно всё, даже, если это сама Москва. Подумаешь, невидаль какая.

Глава 6

То ли дело у нас, красота! Речка – Дон, вон, какая чистая да искристая; поля, луга, леса. Воздух, хоть на хлеб намазывай. А, свои: мясо, молоко, яички, картошка, моркошка. Разве же это ничего не значит? Есть желание, лови рыбу, собирай грибы, да ягоды. Одним словом, Центральное Черноземье. Земля, словно икра белужья. А, уж, посади, кажется дугу, так вырастет целая телега. И, что же менять этот рай, на какую – то там Москву. Нет, дураков нетути.

И, может поэтому, а, может ещё почему, Элочка росла, словно на дрожжах. Высокая, тоненькая, с рыжими косичками, с глазами в пол лица, чуть косящими и зелёными, словно молодая, весенняя трава. Она и в детском садике, и потом в школе всегда была лидером. Добрая, с ясным, открытым взглядом, она находилась всегда в центре внимания. Кожа, как атлас, губки, что твоя малинка – ягодка, пальчики длинные, с блестящими миндалинками ногтей. Ямочки на щёчках не сходят с личика вместе с симпатичной улыбкой.

А, уж смышлёная была, спасу нет. В четыре года читала газеты с мелким шрифтом, как из пулемёта. Настя, даже боялась этой, её смышлёности. Господи, сохрани, оборони от всех напастей, отроковицу Элеонору, – шептала она молитву богу, укрывая дочку на ночь, или, уже провожая её в школу.

Жизнь её наполнилась смыслом до самых краёв. Плескалась, даже через эти края, лилась по дороге. Эля! Элочка! Эленусечка! Девочка моя, любимая! Жизнь моя! Счастье моё! Кроvinочка моя дорогая! Вот для чего мне стоило столько лет про колобродить, промотаться в жару греха, промаяться одинокой птицей. Вот оно счастье, которого она так долго ждала.

А, девочка и вправду была не простой крови. Тонкой кости, белой кожи. На висках её синели жилки, ресницы ложились на щёчки, брови в разлёт, похожи были на крыло ласточки – касатки в полёте. Глаза, весенняя поляна, руки с тонкими, длинными пальчиками. Губы с возрастом пухли, превращаясь в пионы. Румянец забрызгивал щёки, превращая их в алые маки, когда Эля волновалась, или же смущалась. В глазах переливалась влага. Фигура начинала из детской, превращаться в девичью, когда ей стукнуло четырнадцать. Бёдра округлялись, сглаживая подростковые углы, талия истончилась. Грудь бугрилась под шёлковым платьем. Ямочка на нежной, девичьей шейке трепетала и дрожала, когда она косила своим зелёным глазом, на понравившегося мальчишку. А, уж они – то, эти мальчишки, готовы были прямо выпрыгнуть из собственной шкуры, чтобы Эля, вот так смотрела на них, своими изумрудными глазами. Раздувала тонкие ноздри, как норовистая кобылка в предчувствии любви. Но, это была просто детская, ни к чему не обязывающая симпатия, с её стороны. Сердечко её спало, подобно грудному дитяти.

Глава 7

Настя не успела оглянуться, когда же пробежали эти четырнадцать лет. Господи, только бы её судьба была другой, чем моя, – просила она теперь господ. Такой красивой грешно быть, ей нужна другая жизнь, чем у меня. Она ведь не такая, как мы здесь все. Она другой крови. Это ей от отца, от Антоши досталось. Она не крестьянка, нет, не крестьянка.

А, Эля могла подоить корову, если матери было некогда, да и просто, чтобы помочь. Напоить телёнка. И, она не считала чем – то невозможным, когда выпаивая телёнку молоко с руки, он лизал своим шершавым языком её ручки с атласной кожей. Кожа от этого не портилась, она, как будто была защищена от всего своей родословной. Она готовила вкусные борщи, помогала матери стирать бельё, белить стены коровника, не слушая и не уступая, матери в её причитаниях.

Что ты, что ты, доченька, не твоих это ручек дело, – с испугом говорила Настя. Сама я сделаю это, небось, не переломлюсь. Зачем тебе уродовать нежные свои ручки. Ты рождена для другого, чем эта работа. Но, дочка не слушала её, желая помочь своей матусе. Она бралась за любую работу и делала всё с удовольствием, с желанием, даже можно сказать, с аппетитом. И, всё у неё получалось красиво и правильно, будто ей было не четырнадцать лет, а прямо, скажем за двадцать.

В школу она не ходила, бежала. Училась легко и просто. Где другие пыхтели, она щёлкала задания, словно орешки. Ей легко давался английский и, учителя прочили ей большое будущее. Бабка, бабка, говорит в ней, – шептала Настя. Антоша рассказывал, что мать его, Катерина Ипполитовна, была горазда в науках и языках. Так, она видно в неё удалась. Чтобы ни стоило, буду учить голубку мою, авось большим человеком станет.

А, вёсны сменялись, годы прибавлялись. Эля всё расцветала, всё хорошела, всё удивляла односельчан своими способностями. Запросто могла перевязать любую рану, животному ли, или же человеку, получившим травму, в той, или иной ситуации. Посмотрит Абрамовна и диву даётся. Откуда же ты Элечка знаешь всё и, вот ведь, всё правильно то, да ловко так сделано. Прямо, как будто профессионал сработал. И, крови ты, видать, не боишься. А, что её бояться? – ответит девчонка. Главное, помочь нужно. А, как делать, так литературу читаю специальную, в мед собираюсь, поступать. Хирургом хочу стать, не меньше.

Хорошее дело задумала ты, девочка. Умница. Отличный доктор из тебя выйдет, не сомневаюсь, – провожала Элю добрым взглядом, старая фельдшерица. И, вправду, благородных кровей девка – то. Говорят, постоялец последний у её матери был, чуть ли не профессор. А, может и прямо профессор. Вот кровь – то и диктует своё. И, точно, девка не проста, лишь бы не сошла в сторону с колеи.

А, с Элиного личика шестнадцатая вода смыла последний налёт детства, и засверкало оно, заискрилось. Расцвело это личико в полную силу, словно чайная роза. Ох и играла же парнями, эта девка! Лепила из них, как из глины, что хотела. Да, только превращала всё в комья. Не затронул её ни один. Нет, не затронул. Сердце её спало, словно младенец в колыбели сытый; накормленный материнской грудью, тугой от молока. Сухой, перепелёнатый в чистую пелёнку. Спал и, не знал он, что жизнь, это страшная штука. Это океан с бурями и штормами.

Сколько парней сохло по этой зеленоглазой колдунье, знала только калитка их дома, да рябина, что росла у забора. Сколько рук держалось за эту калитку, ожидая, не выйдет ли, не выглянет в окошко, эта рыжеволосая русалка, с телом богини, с голосом голубки, что воркует около голубя, обещая, не земное блаженство от общения с ней. Но, так и не дождавшись и, не получив благосклонности, одни уезжали в город, другие уходили за невестами в другую деревню, стараясь забыть эту ведьму. Что и рядом с невестой, грезилась им в мыслях, не отпустила сердце. Сидела страшной занозой, в кровоточащей ране, не давая ей затянуться.

Глава 8

Ах, Эля, Элечка! Что же делала ты с парнями, сама не зная, что такое любовь? Что это за сети, из которых так невыносимо трудно выбраться, попав однажды. Что такое, эти ожидания, эти муки ада, когда боишься, что другая, лучше тебя, завлекла его. Единственного, желанного, самого – самого. Пока же Элечка заставляла, страдать других.

Сама же она, часто думала, что любовь, не затронет её видно, никогда, вообще. Да, может, её и вовсе нет, этой проклятой любви, о которой все говорят, страдают, томятся, ревнуют и порой готовы, совершать ради неё, вплоть до абсурда. Да, люди готовы убить, ради этой любви. Может, это только красивые сказки, которые и ей рассказывают, и слышит она от многих. Может, это просто байки на ночь для несмышлёных детей? Но, она – то уже не ребёнок, одиннадцатый класс заканчивает. Восемнадцатый год ей идёт, а любви этой нет, как нет. Враки это всё, видно, для дурачков. Она к таким не относится. Уж, лучше буду зубрить английский, от него пользы больше. А, любовь, это настоящая галиматья, не заслуживающая даже внимания её, Эли.

Мать не могла нарадоваться на свою дочку, красавицу. Уж, и правда была Эля, красавица. Вода всё смывает и смывает, а она становится всё краше и краше. Вон фигура – то, прямо богинь таких делали богатые, для украшения театров, да всяких музеев. Когда дочка, не стесняясь, матери, переодевалась, у той, аж дух захватывало, от её нагой красоты. Ой, не попала бы какому дураку, ой, не попала бы, – шептала мать. Господи, да уж чей через край всё, уж слишком много этой красоты. Ну, где же найти – то такого ценителя, чтобы смог правильно оценить – то эту красоту, да и сделать достойную оправу, этому драгоценному камню, каким уродилась её дочка. Это же надо было родиться ей во времена, когда действительно были ценители такой красоты, да могли такую жемчужину по праву содержать. А, у нас теперь, вон, они все ценители – то, бутылку в руки, да по кустам. Охо – хо, грехи наши тяжкие. Господи, уж ты сам упорядочи, на тебя надеюсь, а я баба тёмная, деревня, одним словом, что я могу. Был бы Антоша рядом, глядишь, что и присоветовал бы. А, так, куда – то, оно выйдет, кто знает. Только на Господа надежда, пусть сам управит своей праведной десницей.

А, вот и одиннадцатый класс, остался позади. Аттестат на золотую медаль. Сданы документы в медицинский. День рождения! Восемнадцать лет! Да, действительно, только раз в жизни, бывает этот день. Весёлой гурьбой отметили и пошли в клуб.

Танцевали, пели под гитару, дурачились. Опять выслушала тысячи объяснений в любви, опять хохотала в ответ и, смеясь, обещала быть верной до гробовой доски, десятку парней. Опять говорила подругам, что любовь, это мура, не более и, её самой, это никоим образом не коснётся.

Чтобы плакать, жевать сопли и пускать слюни из – за какого – то, пусть даже и красивого, это, не про неё. Она не выйдет замуж, а, как её мамка просто, вот также родит себе малыша, в осознанном возрасте и будет холить его и лелеять, как холит и лелеет её саму, её матуся.

А, через три дня у них в клубе намечалась дискотека, в честь дня молодёжи и случилось то, что перевернуло весь мир Элечки, её мамы, да и, вообще, поставило всё с ног на голову.

Глава 9

Собравшись в тот вечер с подружками в весёлую стайку, девчонки не торопились к началу дискотеки. Успеется. Пока разыграется приглашённый ансамбль, пока соберётся молодёжь, как раз и успеем вовремя. Сразу, чтобы танцевать, а то, опять начнутся приставания парней, да признания в любви Эле. Надоело одно и то же.

Они вбежали в клуб всей толпой, человек в пятнадцать, когда уже музыка наяривала вовсю. Молодёжь заигала под звуки «Арлекино» и, они, весело подзадоривая друг друга, влились в этот крутящийся, неутомимый круг и закружились, задёргались, завихлялись, как марионетки. Они так здорово вошли в ритм, что даже не сразу поняли, что уже тихо и ребята из ансамбля, собираются, малость перекурить.

Жара стояла в зале невыносимая, со всех градом катился пот и, только Эля не страдала от жары, какой бы она ни была. Она вообще не знала, как это потеть. Внимательно оглядевшись вокруг, она вдруг, словно споткнулась обо что – то и чуть не упала посреди зала. Девчонки, расступившись, провожали её удивлёнными взглядами. Эля шла, куда – то, никого не замечая, никого не видя вокруг, словно загипнотизированная. Они пригляделись повнимательнее и, увидели парня. Да, не парня, а Тарзана.

Высокий, мускулистый, цвета вороного крыла волосы до плеч. Такие же чёрные глаза, под крыльями бровей, чувственный, большой рот, нос с горбинкой, как у кавказцев. Парень был не из их деревни и был у них впервые. Музыканты заиграли медленный вальс и Тарзан, прямо ринулся навстречу Эле.

Его тонкие, длинные, обжигающие пальцы легки на её тонкую талию, закружили её, завертели и понесли по залу. Они, будто летели над танцполом. Парили, будто неземные существа. Другие пары, что начали танец вместе с ними, как – то, сами собой выпали из круга, а они продолжали нестись, словно бестелесные духи. Все кругом с замиранием сердца и восхищением любовались этой парой, которая плыла над полом, не касаясь его ногами.

Ты глянь, а Элька то ждала свою пару, не разменивалась понапрасну, – переглядывались подруги. Вот это пара, так пара! – с восхищением шептали все кругом. Только Эля всего этого не видела, не слышала. Одни горящие глаза видела она перед собой. Глаза эти звали, манили, пугали, притягивали. Она видела только их, она ждала только от них сигнала. Какого? Она не знала. Но знала, что выполнит всё беспрекословно, чтобы они не приказали.

Эля забыла, что она здесь не одна. Подруги её отодвинулись куда – то далеко. Она не понимала, кто она, зачем она здесь? Только его глаза, его руки, его дыхание у её уха. Руки сжимают её талию, глаза сжигают её сердце. Хотя, где оно её сердечко? Его нет на обычном месте. Оно, то вырывается из горла, то падает куда – то вниз и, тогда, внизу живота появляется нестерпимый жар, от которого хочется ей схватить его эти руки и просить неизвестно о чём.

А, то, сердечко совсем пропадёт, не слышно его стука и тогда хочется Эле, закричать на весь мир: Так значит, это правда! Есть она, эта проклятая любовь! От которой и со скалы, и в омут головой, и в любую бездну без страха! О! Неужели же она так прекрасна! Так мучительно! Так страшна и так сладка, что человек не в силах управлять собою!

Танцы закончились. Они шли у реки, узенькой тропкой. Эля, всё ещё никак не могла прийти в себя, всё была горячая и взволнованная. В общем, не в себе. Его рука крепко держала тоненькие пальчики Эли, и, они жгли ей кожу и растапливали последние здоровые мысли. Она расплавилась полностью, она вытекала, как мёд из сотов. Когда подходит время качать его, пасечник убирает с сотов воск. После этого, мёд выливается произвольно. Она была сейчас таким, сотом. Обнажённым. Этот Тарзан убрал с неё налёт, в виде воска и она прямо истекала этим мёдом.

Глава 10

Ты, ведь Эля? – утвердительно спросил парень. Я, Игорь. Вот, уже третья неделя пошла, после моего возвращения из Армии. А, я сегодня пришёл специально на дискотеку, чтобы увидеть собственными глазами диву, о которой говорят все в округе. Ну, что же, говорят правду. Ты, действительно очень красивая. Хочешь, будем дружить?

Да, она хотела этого. Она очень хотела, эта гордая девочка, привыкшая смеяться над чувствами других. Привыкшая повелевать. А, сейчас, она ощутила, прямо физическую боль только от мысли, что он уже третью неделю дома, а увиделись они, только сегодня.

И, закружилось всё, завертелось, перевернулось с ног на голову. Никто больше не узнавал в этой девчонке, то и дело выбегавшей за околицу, чтобы посмотреть, не идёт ли предмет обожания, ту гордую, неприступную Элю, которая играла сердцами парней, словно Ледяная королева. Теперь, это была девочка – ожидание. От бессонных ночей, от ревности, вдруг она не одна в сердце любимого, от гуляний до утра под луной, по травам – муравам, Эля прямо заметно похудела. Но, это нисколько не испортило её. Напротив. Кожа стала ещё белее, голубые венки, ещё заметнее.

А, вот глаза стали блестеть так, что мать иногда боялась за свою единственную. Доченька, да тот ли это человек, ради которого вот так забыть себя самую можно? Не ешь, не спишь, как следует. Всё ждёшь, да бежишь; да ищешь, как потерянная. Ну, можно ли так, родная? Не узнаю тебя я, право. Очнись, ласточка моя.

Но, всё было напрасно. Забыты подруги, еда, сон, покой. Он, только он один, в сердце, в мыслях, в ожиданиях. Только с приходом его, она становилась, вновь той Элечкой, весёлой хохотушкой, беспечной красавицей, которую знали все в деревне.

А, Игорь упивался победой, над неприступной девушкой и гордился, видя, как из гордой орлицы, она превратилась в кроткую голубку. Как ловила его взгляд, его, брошенные будто невзначай слова, тут же беспрекословно исполнялись. Приручил, бахвалился он друзьям. Да, то ли ещё будет! Вот, сватов хочу заслать, как думаете, не откажет?

Глава 11

Ему не отказали. Его приняли, как самого дорогого гостя. Да, ведь он и говорил – то уж больно умно. Хочу мол, чтобы училась моя (и только моя) Элечка в городе спокойно, зная, что она уже почти законная жена. А, вот, уж, как станет она студенткой своего мединститута, осенью и свадьба. И, жизнь в большом городе.

Я, ведь тоже не останусь тут, в этом убогом захолустье. Это пока, всё временно. Чуть – чуть помогу родителям, что нужно подстрою, да и в город. На, вольные хлеба. А, что я тут не видел? Коровам хвосты крутить, так с такой красавицей женой, не резон это. Буду работать в городе по специальности, а я без пяти минут инженер. Заочно учусь в техникуме. Нет, нет. Вы меня не отговаривайте даже.

Вот за сватаюсь и, пусть моя ненаглядная спокойно едет в свой город учиться, зная, что она уже почти законная. Да, чтобы, на пятёрки мне, не ниже. Негоже портить свой статус. У такой красавицы, должно быть всё на высоте. И, он, за сватался.

Ну, а после сватовства, стал уговаривать, что мы, мол, уже почти муж и жена, а обходимся только поцелуями, да объятиями. Хватит с него уже этого, вон, почитай лето всё пролетело на эту ерунду. Докажи мне, что любишь, как говоришь. Стань моей и только моей. Или, может, сомневаешься во мне? Так, зачем сватов приняла? Обижаешь только. Хочешь там, в городе, самое сладкое отдать какомунибудь прыщу городскому?

Он заводил эти разговоры каждый вечер, а, так как этих вечеров оставалось совсем немного, ведь скоро нужно же уезжать на учёбу, она решилась. Сердце гулко колотилось, руки стали холодными и непослушными. В голове стоял Содом. Ещё ни один человек, не прикасался к её телу, тем более – мужчина. Только матуся её видела всю красоту. Но ведь, это матуся. Во рту её пересохло, она не могла сказать ни слова. Только слабо цеплялась за его пальцы, вроде, как сопротивлялась.

Но, он так аккуратненько отводил её холодные руки, так умело справился со всеми женскими штучками, в виде крючочков, замочков и пуговичек, что она даже не успела понять, хорошо, как оказалась совсем нагой, лежащей под кустом ежевики. Хоть и было начало августа, и ночи стояли душные, горячие; да и Игорь своим жаром, враз согрел, всё же успевшее захолонуть тело своей ненаглядной.

Глава 12

Сначала, он был настолько нежен, настолько ласков, если не сказать, трепетен с ней, что Эля как – то успокоилась и обрадовалась от того, что муж её будет почти совершенство. Вон, как он бережёт меня, боится ранить не только моё тело, а и душу. Как обходителен он, как бережно относится ко мне. Счастье моё радость моя, душа моя, – шептала она в порыве страсти.

А, он, вдруг превратился в хищного зверя и стал, чуть не насиловать её. Закрыв ей рот жадным поцелуем, он вдруг вошёл в неё без предупреждения. Она закричала и, даже укусила его за губу, на что, он наотмашь ударил её по лицу. Но, тут же, снова превратился в агнца и стал, ласкать её. Извиняясь и оправдываясь, что всё это от огромной любви и неудержимой страсти.

Мол, не сдержался он, ведь столько времени она продержала его в таком напряжении. Да, изголодался я, разве это не понятно. Ведь, я мужик, а ты, чуть евнуха из меня не сделала. Разве же можно столько мужчине обходиться без секса? А, я терпел, потому, что люблю тебя только одну и, хочу быть, только с тобой, любимая. Ты, единственная. Ты и, только ты, теперь для меня, свет в окошке.

Да, разве не доказал я тебе этого, моя любовь, моя жизнь, моё сердце? Эля, от таких слов начинала приходить в себя. Боль потихоньку уходила, слова ласкали слух, руки делали своё дело. От всего этого, снова стало жарко, томно и хорошо – хорошо. Она любила, её любили, ну, что ещё нужно девочке в восемнадцать лет?

Теперь они занимались этим каждый вечер. Все кусты были поломаны их страстью, вся трава была помята в тех местах, где они любили друг друга. Вода в реке, только, утекала далеко и безвозвратно, смывая с их тел пот, после долгих и горячих оргий. Летний соловей – садовая камышовка, укладывала их вечером, захлёбываясь своей песней и будила на заре, тёхая и булькая, переливчато тренькая, и затихая, лишь для новых рулад. Охая, ахая и перемежая, всё это пересвистом.

Кукушка на закате солнца, начинала считать им счастливые года. А, то, вдруг рано на заре, принималась продолжать свой подсчёт, будто устыдившись за свою леность вечером.

Лягушки, просто, с ума сходили и старались перекрычать и «соловья», и кукушку. Но, это им не удавалось и они, оттрубив смену ночью, замолкали на какое – то время перед рассветом, уступив место то ли малиновке, то ли зарянке, которые вплетали в общий хор свои нежные переливы. Эля полюбила так эти ночи любви, что утро для неё стало пыткой невыносимой. Ведь, это значило, что нужно расстаться с любимым, а ей этого не хотелось.

Глава 13

Она была ненасытна. Куда подевалась девичья стыдливость? Ушла, наверное, с невинностью. Она бесстыдно лежала на траве и красовалась перед своим избранником. Конечно же, показать было что, однозначно. Такие девушки, как она, достойны, красоваться на обложках глянцевого журналов.

И, вот, как – то, Игорь предложил сделать фото её. Обнажённой. Во всей красе. Чтобы долгими, осенними вечерами, он мог любоваться ею. Ведь вытерпеть неделю без неё, это же ни с чем несравнимая мука. А, тут, посмотришь и, как будто прикоснёшься к любимому телу, губам, глазам. Соглашайся дорогая, – просил он Элю. Это, ведь только наша с тобой тайна, так, что раздумывать?

Она медлила, раскинувшись на зелёной лужайке. Длинные ноги, тонкие, красивые руки, копна золотистых волос. Грудь возвышались, как луны с яркими пятнами сосков. Золотой треугольник манил к себе. Бесспорно, это было тело богини и ни как не смертной.

Игорь залюбовался, ощущая прилив сексуального желания. Но, Эля предупредила его, кокетливо подмигивая, вопросом. Что, нет больше такой красивой, как я? Ведь, правда, же? Кто ещё может поспорить со мной в красоте? Да, нет никого, кто бы имел такие формы, такие волосы, похожие на расплавленное золото. А, мои изумрудные глаза, пионовидные губы. Я, самая – самая красивая, ведь, правда, же, любимый?

Ну, фоткай, фоткай уже быстрее, а то совсем светает, скоро тётка Матрёна бычка своего приведёт на луг. Игорь, вроде, как было, уже передумавший делать этот шаг, будто подстёгнутый этими словами Эли, быстро и умело запечатлел свою любимую во всех ракурсах и они удалились.

Снимки были сделаны и, прощаясь, Игорь предупредил, что сегодня, он, наверное, не придёт вечером, как всегда. Нужно будет успеть, напечатать фото, чтобы ты сама увидела себя во всей красе. Ведь, остаётся всего несколько дней, до отъезда Эли в город, а завтра в клубе дискотека; вечер, прощания с летом. Вот и встретимся. Танцы будут до упаду. А, там, потянутся серые будни, да, что там серые. Невыносимые, чёрные и тоскливые дни и ночи, без неё, Элечки. Он будет тосковать, и томиться, страдать и мучиться без своей любимой.

Ты сегодня отсыпайся моя хорошая, скоро ведь начнутся занятия, а там спать некогда. Там зубрёжка, зачёты, да конспекты. Я, советую тебе, послушать меня и сдать сегодня экзамены на пожарника, – шутливо с хохмил он. Поцеловал Элю ещё раз и быстро пошёл, не оглядываясь к себе в деревню, что находилась в пятнадцати километрах от деревни Эли.

Глава 14

Он, каждый день вышагивал туда – сюда тридцать километров, разве это не доказательство любви к ней. И, эти прощания происходили каждое утро. Но сегодня, Эля почему – то, вдруг, как будто испугалась чего – то. Как будто, что – то должно было случиться нехорошее. И, ей захотелось вернуть своего любимого. Зачем? Да, чтобы заглянуть в эти, пронзительные, темнее ночи, любимые глаза. Не отразится ли там, какаянибудь Маша, или Таня, разлучница.

Да, нет. Что это я выдумываю. Какие там разлучницы. Глупенькая. Он любит только её. Разве не доказал он ей это? Да, одна дорога, уже доказывала, что человек просто так не будет вышагивать столько, ради простого интереса. Нет, нет, успокаивала Эля своё сердечко. Всё хорошо. Просто предстоящая разлука, волновала её, да и ведь это было впервые, чтобы она уезжала из дома.

Да, ещё на целую неделю, вот так сразу. А, там, кто знает, возможно, что и дольше они не будут видаться с Игорем. Ведь, учёба, это же не в детский садик ходить. Это, уже шаг во взрослую жизнь. И, она, весело напевая песенку и подпрыгивая на одной ноге, словно маленькая девочка, поспешила домой.

Настя, привыкшая к приходам дочери по утрам, спокойно управляла хозяйством. Увидав дочь, вся засветилась, потянулась к её щеке губами. Доченька моя, красавица ненаглядная. Хоть и росла ты сиротой, а расцвела, словно вишня весной. Только, уж больно поздно с гулянья приходишь, ведь совсем не отдыхаешь, голубка моя дорогая. Вон, одни глазищи и остались, от этой безумной твоей любви. Молочка парного, хоть попей, да и спать ложись. Совсем измучила ты себя, моё солнышко ясное. Где это видано, не спать по целым ночам, да ещё и на работу мою мчишься, как на праздник. Право слово, неугомонная ты у меня.

Сегодня, на работу не ходи, я сама справлюсь. Ну, не старуха, же я какаянибудь. Вон, ещё силушка имеется. И, она, приобняла свою девочку и прижала её к себе, показывая, что она ещё, хоть куда. Отоспись, а то же скоро начнутся занятия, тоже некогда будет выспаться, тебе моя радость. А, мамка твоя, ещё не старая и справится со всем сама.

Мне не привыкать, а ты, отоспись. И, она, чмокнув дочуру в щёчку, погнала Цыганочку в стадо. С улицы уже доносился раскатистый звук, от щёлканья кнутом пастуха. Овчарка – Нельма, заливно брехала, подгоняя бурёнку. Петух пел свою утреннюю песню и с удалённого от деревни луга, словно желая, перешеголять друг друга, на все лады старались кукушка и «соловей». Эля блаженно улыбнулась, слушая эти звуки. Они напоминали ей, что завтра эти певцы, снова будут стараться изо всех сил, только для них с любимым. А, пока, пусть упражняются.

Она выпила молока и забралась в прохладную постель. О! Это было просто божественно! Простыни охладили её разгорячённое, молодое тело, полное огня любви и ожидания встречи, с любимым. Она принялась мечтать, как это произойдёт, но, бог Морфей не дал ей долго это делать, и она провалилась в благодатный сон. Снилось ей голубое – голубое, высокое небо. Ромашковый луг и, она бежит по нему в белом, длинном – предлинном свадебном платье. Шлейф тянется на несколько метров за ней и фата, словно облако, развеивается далеко сзади. Ей радостно и хорошо от этого и, сердце готово, прямо выскочить из груди от счастья. Игорь

бежит к ней навстречу. Далеко ещё он и, не совсем видно его лица. Но, Эля знает точно, что это её любимый.

Глава 15

Вдруг, кто – то сзади резко сдёргивает с неё фату. Она, от неожиданности чуть не упала и, даже проснулась от этого, но, поняв, что это, только сон, она улыбнулась и, снова спокойно заснула.

Проспав, как всегда три, четыре часа, она принялась за уборку в доме. Она мыла, стирала, вытирала, переставляла. Дом у них всегда в идеальном порядке, но ей хотелось что – то ещё подправить. Ведь маме уже за пятьдесят, не девочка. Да, ещё же домашнее хозяйство – корова, телёнок, птица, которое она не хочет перевести, хотя Эля настаивает на этом. И, иногда у них из – за этого происходят целые баталии.

Но, пока побеждает мама. И, дома, и в колхозе всё у неё ещё горит в руках, но, иногда Эля замечает, как мама начала сдавать. Она, как будто становилась ниже ростом, тише в движениях. Да и, запах в доме, у них появился какой – то новый. Лекарством пахнет. Подружки говорили, так пахнет валокордин. Но, ведь мама её совершенно здорова. Она никогда не жаловалась на здоровье, ни разу не лежала в больнице. Ну, да ничего, вот стану учиться, займусь ею вплотную. Ей ещё внуков нянчить, а она валокорином балуется.

Устав, невероятно за день, она оторвалась ночью. Спала, как убитая. Да, оно же и не хитро. Столько времени не спать, как того требуется. Она даже уже забыла, как это ночью спать дома, в своей постели. Ведь её, лето про баловало на своих, мягких травах, да на руке любимого.

Господи, люблю! Люблю! Да, разве могла я подумать, ещё совсем недавно, что это так прекрасно. Люблю и любима! Ведь Игорь об этом говорит все ночи напролёт. Ну, может ли быть по-другому? Мама говорит, что слышала от других, ради меня он свою невесту бросил в своей деревне. А, она, ведь ждала его из Армии целых два года. Вот, как я любя ему, моему Игорёчку.

А, сегодня он покажет мне, всю меня от кончиков волос, до кончиков пальцев, во всей красе. Хорошо, что я разрешила ему сделать фотки. Пусть любит на меня, в долгие вечера, пока я буду в городе, да не забывает. А, то они парни блудливые, словно коты в марте. Чуть девушку отпустят от себя, как тут же ищут замену ей. Где по мягче, там и пристраиваются.

Здесь же, посмотрит он на фото и, я с ним, как живая. Тут рядом. Да и, небось, перед фоткой такой, будет стыдно ему заглядываться на других. Что они по сравнению с моей красотой, так, замарашки.

День пролетел в хлопотах, словно птичка. Но, вот уже наглажены наряды на вечер. Всё самое лучшее. А, как же? Ведь на дискотеку собирается вся молодёжь с округи. Да, даже из близлежащего городка приезжают ребята и девчонки. Поэтому, негоже ударить в грязь лицом. Ну и, что же, что мы деревенские? Да, таких красавиц днём с огнём не сыщешь. А, значит, должны соответствовать. Чтобы городские не задирали нос.

Причёски сверкают от лака, наряды скрипят от новизны, улыбки расцветают на лицах от молодости и задора. Какое счастье быть молодым! Игорь обещал встретиться у клуба, поэтому Эля идёт туда сегодня со своими подружками. Как в старые, добрые времена. А, то

за любовью своей, совсем забыла она о своих сверстницах. Многие прямо в глаза укоряют и выговаривают ей, что зазналась она.

Да, Эля то догадывается в чём дело. Завидуют ей её подруги, хоть они и не подают вида. Но, это так, она знает. Ведь, самые страшные враги получаются из самых верных друзей и подруг. Потому, как они знают все тайны, всю подноготную. Хотя, Эля верит своим подружкам и надеется, что среди них нет завистницы. Она – то ведь сама, никогда и никому не переходила дорогу. А, то, что ей достался самый лучший парень в округе, она не виновата. Это заслуга её матуси, ну и того, кто стоит в графе – отец. Только самого его, девушка никогда не видела. Да и, видеть не собирается. Спасибо, что поучаствовал в зачатии. Этого достаточно. Они постарались на славу, родив её такой красоткой.

Настя, оглядев дочку со всех сторон, осталась довольна и дала добро. Да и, как же не дашь добро, если дочка её словно жар птица сверкает. Кажется, лохмотья на неё одень, она и тогда будет просвечивать, а тут уж, сам бог велел. Такой бриллиант, да ещё и в лучших нарядах. Так тут уж и слов нет, как хороша её дочка. Только бы не позавидовал, чейнибудь нехороший глаз, да не обидело её, чьёнибудь злое сердце. Ведь, когда чего – то много в одном человеке, это нервирует окружающих. У, Эли было всего много: красоты, доброты, очарования. Она, казалось, была просто соткана из одних положительных качеств.

Глава 16

И, вот девчонки, словно пичуги, весело и беззаботно чирикавая, стайкой помчались в сторону клуба. Господи, защити! Господи убереги! Сохрани, спаси и помилуй, девицу Элеонору, – шептала Настя, глядя вслед, убежавшим девчонкам. Среди которых, как бриллиант сверкала её доченька. Её кровиночка, её смысл жизни. И, мать, и войдя уже в дом, глядя в святой угол, всё продолжала шептать молитву, прося бога дать её доченьке счастливую долю, не похожую на нее.

Настя, умиленно глядя на образ матери Божией, просила её только об одном. Уберечь её дитя от всего плохого, что могло случиться с ней в жизни. Одно, одно – единственное, что держит её самую на этой земле, это её Элечка. Голубка сизокрылая, лапушка, родничок неиссякаемый. Не говорит она дочери, зачем омрачать душу девочки, а что – то сердце стало шалить у Насти. То, забьётся, за трепыхается, пойманной птичкой. А, то совсем пропадёт. Не слышно его, да и дышать нечем. Ну, да, может, пройдёт всё ещё, всё образуетса само собою. Вот поедет моя радость в город, выучится. Станет, этим самым хирургом, вот, тогда уже и вылечит меня, если какие неполадки у меня там имеются. А, так, ведь всё хорошо, всё, слава богу. Зачем же расстраивать девочку. Ведь ей нужно ехать скоро на занятия. Пусть учится себе спокойно. А, то будет у неё голова пухнуть ещё и от проблем матери. Нет, нет. Настя ни, словом не обмолвится дочери о своих болячках.

Вон, побежали, порхнули, словно стайка синичек. Щебечут, щебечут, что твои зорянки. Молодые. Счастливые. Без забот, без хлопот. Пусть у них будет всё лучше, чем у нас, их родителей. Хотя, что бога гневить, она сама ещё хоть куда. А, проблемы со здоровьем, так, может это просто её выдумки. Может и ничего там, внутри её и не сломалось. Просто показалось так Насте. Да, ведь, выучить, замуж отдать дочку то. Да, внуков же ещё понянчить. По тетёшкаться всласть, а там уж и, что будет. А, по тетёшкать внуков хочется. Это же, даже не дети. Дороже. Слаще. Какие уж тут болячки. Всё хорошо.

А, самое главное – то и забыла. Грехи – то замолить бы. Уж больно нагрешила я непутёвая. Натворила дел, греховодница. А, туда же. Внуков мне подавай. Радости земные. Вот уж, как устроен человек. Нет бы, благодарить бога за то, что имеем. Нам же, подавай всё новые утехы. О душе совсем не думаем, окаянные.

Ой, что это я, – встрепенулась Настя. Уж, прямо совсем стареть что – то начинаю. О смерти – то мне нельзя ещё. Поднять бы доченьку на ноги, чтобы землю то, как следует, почувствовала. Да, деток ей помочь, выпестовать, а там уж и на покой можно. Не девочка, конечно же, шестой десяток идёт.

Когда Эля с подружками подходили к клубу, народу уже было не протолкнуться. Но, очень многие почему – то стремились к одному месту. Там у них доска объявлений стояла. Молодёжь, хохоча до колик, охала, ахала. Некоторые сплёвывали, сквозь зубы и матерно ругались. Уж, что там такое было, что заставляло так вести себя молодёжь, девчонки и представить даже не могли. Но, видно, что – то очень интересное, раз столько народу собралось.

Но, вот толпа увидела гурию девчонок во главе с Элей и кто – то громко крикнул из толпы: О! А, вот и виновница торжества! Поприветствуем нашу фотомодел! Послышались

негромкие хлопки в ладоши и толпа враз, заулюлюкала, как сумасшедшая и расступилась, создав, как бы коридор, перед Элей.

Вот по этому коридору она и дошла до доски, где было наклеено с десятков фото. На, которых она, Эля была запечатлена в самых пикантных позах. А, сзади послышался голос. Голос её любимого Игорёчка: Ну, что, нравишься себе красавица? Вижу, что нравишься. Не плохие кадры, правда? А я, ведь сначала думал, не объезжу тебя. По рассказам то, ты прямо Снежной королевой представлялась мне. И я уж решил, что проиграл столтник друзьям. Ан, нет.

Всё пошло, как по маслу. Втюрилась ты в меня, как кошка по весне, да, я – то не свободен. Вот моя половинка, суженая моя и, он кивнул, на рядом стоящую с ним, черноволосую девушку. Свадьба у нас на Рождество. Ждала она меня из Армии, да и любовь у нас с ней настоящая. А, ты, ты просто спор на деньги.

У меня таких, как ты, куча мала была, до Армии. А, если точно, двадцать первая ты. Очко. Двадцать первая, понимаешь? Двадцать п е р в а я. И, он ощерился во весь рот и, протянув к себе черноволосую, жарко поцеловал её в губы. Совсем, как вчера, на рассвете целовал её, Элю. Сладко, в аппетит. Так, что сердцу становилось нечем дышать. Толпа, вновь зашевелилась, захохотала и ринулась в открытую дверь клуба, откуда послышалась музыка. И, подружки Эли, тоже влились в общую толпу, будто и не было их с нею.

Глава 17

А, Эля стояла холодная, безучастная ко всему происходящему. И, вправду Снежная королева! В сердце лёд, в голове, руках, ногах, в низу живота. Лёд! Лёд! Лёд! Один обжигающий лёд. Двадцать первая, двадцать первая, стучало в мозгу. Она повернулась и тихонько пошла назад, домой.

Вечер сразу превратился в беспросветную ночь. Темень спустилась такая, что казалось на землю, вылили, бездонную бочку чернил. Она шла в этой темноте по памяти, ничего вокруг не видя и не слыша. И, только два слова вертелись в голове, двадцать первая. Двадцать первая. Эля даже видела перед глазами эти две цифры. Двойку и единицу. Они будто плясали перед ней, выделявая всевозможные па, но всегда становились рядом и правильно. Почему очко? Что это значит, недоумевала девушка.

Как она шла, она, конечно же, не помнила, но, когда вошла в дом, мать, увидев её лицо, так и села. Белое полотно, с открытым, перекошенным ртом, дикий взгляд, остановившийся и замёрзший. Она не узнала своего дитя. Но, не закричала, не заголосила, а молча обняла дочь и, прямо в одежде уложила её в постель. Напоила, всё тем же валокордином и, навалив на неё кучу одеял, собралась и побежала к клубу.

Что – то там случилось, там разгадка всему, виделось ей. В клубе слышалась громкая музыка, смех. За стёклами окон мелькали тени танцующих, но она подошла сразу к доске и поняла без подсказки, что дело всё здесь завязано. Её девочка лежала на фото, раскинувшись во всей красоте своего молодого, прекрасного тела.

А, как же иначе. Ведь фотографом был любимый, которому хотелось показать всю свою прелесть. Разве можно было, даже представить, что это всё будет испоганено, будет истоптано, станет посмешищем. Разве можно было подумать, что над этой красотой, так надругается чёрный ворон, прикинувшийся белым лебедем и, завлекший её девочку, её кровиночку, в эти сети.

Она ещё раз окинула взглядом фото. Какая же красота – то, какая же роскошная красота была перед ней. Нагая, шикарная, в порыве любовной неги, лежала её девочка на этих проклятых фотках. И, она, в своём материнском горе, нашла ещё силы любоваться своим дитём, гордиться своей доченькой. Затем, ломая ногти, она содрала эти фотографии и, положив их за пазуху, сгорбившись, словно древняя старуха, она пошла домой.

Дома было тихо и, приглядевшись к дочке, Настя поняла, что та спит. Тихонько, по – детски посапывая носом и, робко улыбаясь, чему – то во сне. Она легла рядом с ней, карауля каждый её вздох, каждое движение, её сонного тела. Но, ночь, слава богу, прошла спокойно и тихо. Под утро и Настя задремала было, но они с дочкой одновременно открыли глаза.

Мать, было, кинулась с уговорами, но Эля сказала ровным, спокойным голосом: Мама, всё хорошо, успокойся. Никаких сцен не будет. Дай телеграмму тёти Гале, что я поеду учиться в Москву. А, я пока, съезжу, заберу документы. Переведусь из одного вуза в другой, вот и вся проблема. Месть, мама, это холодное блюдо. Чем оно холоднее, тем вкуснее и слаще.

Глава 18

Уж лучше бы она кричала, истерила, захлёбывалась слезами. Боль вышла бы наружу. Нет, она будто закаменела вся. Стояла у окна и смотрела, не отрываясь, куда – то вдаль. Ей бы выговориться, освободить свою душу, сердце, мысли, а она стояла, как изваяние и от неё прямо волнами шёл негатив. Мать даже почувствовала этот холод, но, когда кинулась, было спросить дочь о том, что случилось вчера, она так посмотрела на неё, что Насте сразу расхотелось это делать. Она только повторила: Мстить, мама, это холодное блюдо. Пусть остывает. Иди, отбей телеграмму.

Настя опять не поняла её этих слов, но побежала на почту, отбить телеграмму сестре. Да, ещё и переговоры заказала с ней. От волнения, она сделала всё сразу, хотя можно было обойтись только переговорами. Ну, да не велика беда.

Уж и рада была тётка такому обороту. Ну, что же, не было бы счастья, да несчастье помогло, – сказала она. Пусть приезжает племяншка, я всё устрою наилучшим образом. А, на этот инцидент наплюйте с высокой колокольни. Всё будет отлично, я тебе обещаю сестричка, – кричала ей в ухо Галина и Настя, поверив в это, вернулась домой, даже можно сказать умиротворённая.

Не смотря на то, что соседки хихикали ей в след и шептались, но так, чтобы это было слышно на всю улицу. А, пусть их, смотрят, шепчутся, показывают пальцем. Пусть родят себе, да воспитают такое чудо, чтобы можно было любоваться, а потом и ухмыляются и показывают пальцами, злыдни эдакие. Последние дни прошли в сборах в дорогу и, Эля уехала покорять столицу.

Белокаменная, покорила Эле просто и спокойно. Тётя Галя с дядей Димой души не чаяли в племяннице. Да, её и нельзя было не любить. Аккуратная, внимательная, добрая и отзывчивая, вежливая, усидчивая и упорная. А, уж о красоте её в медицинском, ходили легенды прямо. Но, она на это, просто не реагировала. Снежная королева, сразу и намертво приклеилась к ней кличка и, мало кто осмеливался, само собой из сильного пола, сделать попытку заигрывать с ней. Ледяной, глубокий, как омут взгляд, становился наградой на попытавшегося, совершить эту дерзость. Этот холод сразу же отрезвлял, как ушат ледяной воды. Все заигрывания куда – то пропадали сами собой и, уже больше никому не хотелось иметь дело, с этой ледяной глыбой.

А, вот студентка, она была просто отличная. Всё схватывала на лету. Английский ей удалось довести до совершенства. Она свободно говорила со студентами из других стран, близко сойдясь с ними на общие медицинские темы и, оттачивала на этой почве произношение, не уступая ни кому из них.

Но, только дело заходило, до сближения другого характера, как тут же, зелень в глазах девушки превращалась в девятый вал. Налетала грозная буря и, горе было тому, кто посмел на такой поступок. Хотя, никто из осмелившихся, не понимал, в чём дело. Ведь все знали, что Эля ни с кем не встречается. Сногшибательная красотка, причём свободная. Это же право нонсенс, что она не имела друга. Уж, лучше бы, она была не свободная, тогда никто бы и не соблазнился. А так, трудно было удержаться. А, главное, понять, в чём причина её одино-

чества. Подруг близких у неё тоже не было. Со всеми она была в равных отношениях, не отдавая никому предпочтение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.